

гадываться, что давая интереснейшее объяснение слову *Διόβρα-βος* или обстоятельствам рождения Диониса, фиванский поэт убирал не чудесный элемент, а, напротив, слишком бытовой тон этих рассказов.

31 Сходное построение дает *Ind.*, I, 110 и 122, где психа (*ψυχή*), вскормившая Кира по легенде, оказывается некоей женщиной, называвшейся *Κυρία*, прозвище которой отражало будто бы персидское имя *Слава*, восходящее к апеллятиву "собака". Иначе говоря, чудесный элемент в легенде объясняется филологически (а) калькированием чужестранного имени, (б) смещением (говорящего) имени собственного и апеллятива, (в) сознательной редакцией со стороны лиц, заинтересованных в том, чтобы события казались чрезвычайными.

32 *Museo O. La nascita di Dioniso in Eurip. Bacch.*, 288-297 e in *Ecateo*. - *Studi Italiani di Filologia Classica*, 1968, vol. 40, P. 178-182. К этому добавим, что родословие Диониса и имя Гекатея соседствуют у Геродота (2, 143-145), возможно, неслучайно.

33 Ведь интересно же современным исследователям сообщение Жанной Ру о рождении о возможности объяснить греческий рассказ о рождении из бедра Зевса буквальным осмыслением семитического фразеологизма, в котором "рожденный от чьего-то бедра" равнозначно "рожденный кем" (*Быт. 46, 25, Исх. I, 5*). - *В и г 3* - *P i d e*. *Les Bacchantes* / Ed. J. Roux. Paris, 1972, vol. 2, p. 351.

34 Популярность мотива второго рождения видна по вазовой живописи, начиная с конца VI в. до н.э. (см. литературу, названную в прим. 3). Характерно, что художники не прячут, а иной раз даже натуралистически подчеркивают "скандальность" в рождении Зевса-рожицы.

35 Не говоря о Геродоте, который на каждом шагу напоминает, что верит далеко не всему, что рассказывают эллины, в этом духе - и довольно едко - начал свой рассказ уже Гекатей Милетский (*FGHist Jacoby*, Fr. 1 ab).

36 По всей видимости, попытка рационализации, разрабатываемая Еврипидом, не была единственной. Очень интересна в этом смысле перипетия обозначения Диониса как *Διός τῶς*.

Н.С.Гринбаум

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПИЦДАРА (растительный мир)

Исследование поэтической лексики классика древнегреческой хоровой лирики Пиндара представляет несомненный научный интерес как с точки зрения формирования языка художественной литературы, так и в плане восприятия и отображения античным художником слова окружающей его действительности. Как известно, в си-

стеме лексико-семантических средств существительные передают с наибольшей полнотой и отчетливостью мировоззрение и миропонимание, общественные и политические взгляды, этическую и эстетическую позиции, художественный вкус и личностные качества поэта. В настоящей статье рассматриваются слова, относящиеся к отображенному в произведениях Пиндара растительному миру. Предстоит решить следующие задачи: выделить круг слов, связанных с миром растений, и выяснить отношение к нему поэта; уточнить, насколько Пиндар продолжает в этом отношении сложившуюся традицию и в чем от нее отходит; определить связи пиндаровской лексики с лексикой других авторов и основных жанров художественной литературы.

Аналізу подвергаются 39 слов, входящих в состав подгруппы "Растения" (14 слов), "Деревья" (17) и "Цветы и плоды" (8).

1. В подгруппе "Растения" выделяется прежде всего слово *φύτον*, обозначающее "растения вообще" — культурное (Пиф., 9, 58) и дикое (Фр., 75, 15). Зеленый ландшафт составляют: роща (*βλά*; Пиф., 3, 37), чаща (*λόβη*; Ол., 6, 40), заросли (*βατιά*; Ол., 6, 51), трава (*κρία*; Пиф., 4, 240), тростник (*σχοῖνος*; Ол., 6, 54), камыш (*κάλαμος*; Фр., 70, 3; *δβναξ*; Пиф., 12, 25). Среди прочих растений внимание поэта привлекают: сельдерей (*σέλινον*; Ол., 13, 3), мирт (*μύρτος*; Истм., 4, 70; *μυρσίνα*; Истм., 8, 67), лавр (*δάφνα*; Парф., 2, 8), виноградная лоза (*κίπελος*; Нем., 9, 52) и плющ (*κισσός*; Френ., 3, 3).

Слова подгруппы имеют преимущественно конкретные значения. Значительная их часть сопровождается эпитетами. Растение определяется как "изобилующее плодами" (*πάγκαρπον*) и "благоухающее" (*νεκτάρεον*); роща — как "густая" (*πολλά*), чаща — "темная" (*κυανέα*), заросли — "недоступные" (*ἀπείριστος*). Не лишены эпитетов и другие наименования растений: лавр является "золотым" (*χρυσέα*) и "многолиственным" (*εὐλέταλος*), плющ — "цветущим" (*θάλλων*), сельдерей — "коринфским" (*Κορινθίον*) и "дорийским" (*Δόριον*). Единственный случай переносного употребления содержит сочетание *μελιαδής κρία* "сладостная трава" (Пиф., 9, 37).

Обращает на себя внимание часто утилитарное отношение поэта к упоминаемым растениям. Все они приносят человеку определенную пользу. Земля одаряет урожаем злаков (Пиф., 9, 58), чаща служит укрытием для родившей сына Еванды (Ол., 6, 40) и для ус-

троившего засаду Геракла (Ол., 10, 30), из камыша делают звучную свирель (Ол., 10, 84; Нем., 5, 38). Ряд растений используется для венков, вручаемых победителям спортивных состязаний: парнасская трава (Пиф., 8, 20), сельдерей (Истм., 2, 16) и мирт (Пеан, 17а, 17). Плющ венчает бога Диониса (Френ., 3, 3), лавр — гиперборейцев (Пиф., 10, 40), трава — Ясона (Пиф., 4, 240). Из виноградной лозы получают пенное вино (Ол., 7, 2).

Таким образом, растения интересуют Пиндара не сами по себе, не как привлекающий и вдохновляющий воображение поэта объект живой природы, а главным образом как естественное и полезное средство организации человеческого бытия.

В подгруппе "Деревья" основным является слово *δένδρον* "дерево вообще". Оно употребляется, как правило, во множественном числе и сохраняет во всех случаях конкретное значение. Поэт упоминает о деревьях на острове Блаженных (Ол., 2, 73), об их отсутствии на земле Пелопса (Ол., 3, 23), о восхищении Геракла деревьями в стране Борей (Ол., 3, 32), об увеличении Дионисом занятой деревьями площади (Фр., 153, 1). Эпитетов, сопровождающих слово "дерево", несколько: "сияющее" (*ἀγλαόν*), "красивое" (*καλάον*), "очищенное" (*λεπτόν*). Однажды со значением "дерево" встречается слово *φύτευμα* с эпитетом "тенистое" (*σκιαρόν*; Ол., 3, 18). На первом месте среди деревьев стоит маслина (*ἐλαία*), однако поэт отмечает не ее привлекательность как дерева, а ее практическую пользу: изготовление победных венков (Ол., 3, 13; 4, 11; 11, 13; Нем., 1, 17), оливкового масла (Нем., 10, 35), посоха — орудия убийства (Ол., 7, 29). Маслина определяется поэтом как "золотая" (*χρυσέα*; Ол., 11, 13) и "твердая" (*σκληρά*; Ол., 7, 29). Однажды упоминается "дикая маслина" (*ἄγριος ἔλαιος*; Фр., 46). С особым уважением относится Пиндар к дубу (*δρῦς*), указывая на его величавость (*μεγάλα*), выносливость, способность сохраниться, даже оказавшись бесплодным (*φθινόμενος*; Пиф., 4, 263-5). Из других деревьев заслуживают упоминания: ладанное (*λίβανος*) с эпитетами: "зеленое" (*χλωρά*; Фр., 122, 3) и "тенистое" (*σκιαρὰ*; Френ., 7, 4); кипарис (*κυπάρισσος*), растущий на Крите (Пеан, 4, 50); зеленая пихта (*χλωρὰ ἐλάτα*; Френ., 6, 7) и желтая сосна (*ξανθὰ πεύκα*; Диф., 2, 11). Ладанное дерево упоминается в связи с воскурением девушками ладана (Фр., 122, 3), сосна — в связи с зажженным на ней факелом (Диф., 2, 11), остальные слу-

чай не поддаются интерпретации из-за фрагментарности текстов. Тем не менее основное сугубо практическое отношение к деревьям, как это имело место по отношению к растениям, прослеживается достаточно четко. Вместе с тем трижды деревья становятся у Пиндара компонентом поэтического образа или сравнения: могучий дуб, который пройдя через испытание огнем и железом, продолжает служить людям (Пиф., 4, 263 сл.); деревья, которые в отличие от богатства не каждый год плодоносят (Нем., II, 40); добродетель (ἀρετή), что разрастается наподобие дерева, выбрасывающего во влажный эфир зеленые побеги (Нем., 8, 40 сл.).

Наряду с деревом в целом у Пиндара встречается нередко упоминание его отдельных частей. Сюда относятся: пень (στῆλεχος) — 'на пне дуба' (Нем., 10, 61), побег (ἄρταξ) — 'блестящий побег лавра' (Парф., 2, 7), ветвь (ἄσος) — '(отрубят) ветви топором' (Пиф., 4, 263); кора (φελλός) — 'как пробковая кора' (Пиф., 2, 80), листья (φύλλα) — ἤρινα 'весенние' (Пиф., 9, 46); πολλά 'многие' (Пиф., 9, 124); χρύσεια 'золотистые' (Нем., I, 17). Обращают на себя внимание случаи переносного употребления отдельных слов этой подгруппы как полностью, так и частично. Слово корень (ρίζα) обозначает "корень... семени" (о сине Энесиды: Ол., 2, 46), "корень городов" (о Фере: Пиф., 4, 15), "корень земли" (о ливийской Кирене: Пиф., 9, 8), "корень-Эгина" (Истм., 8, 56). Слово ствол (φύτλα) обозначает "ствол Иапета" (Ол., 9, 55), "от какого ствола" (о Кирене: Пиф., 9, 33). Оба эти слова представлены только с переносными значениями. Нет ясности относительно трех случаев употребления слова лист (πέταλον, Диф., 3, 19; Пепан, 17b, 26; Френ, 5b, 4), в остальных двух оно употребляется переносно: "листья ссор" (Истм., 8, 42), "листья Океана" (о родниках: Фр., 326). Сюда можно добавить и единственный случай переносного употребления слова φύλλον — "листья певцов" (о славе: Истм., 4, 27). Таким образом, можно отметить существенное различие в использовании поэтом слов, обозначающих дерево в целом и его части. Если в первом случае преобладают конкретные значения и проявляется утилитаризм, то во втором явно выступает стремление к переносному употреблению ряда слов и применению их к сфере родовых отношений, неживой природы и даже абстрактных понятий (напр., ссора, слава).

Центральные слова подгруппы "Цветы и плоды" — κνῆος и καρλός. Слово κνῆος обозначает прежде всего "цветы" и их конкретном значении: "цветы деревьев" (Нем., II, 41), "цветы для венков" (Ол., 7, 80; Нем., 4, 21; 5, 54), "олимпийские цветы" (Нем., 6, 63). Однако в ряде случаев встречаются и переносные значения: "цветы колесниц", т.е. "победа" (Ол., 2, 50), "цветы гимнов", т.е. "поэзия" (Ол., 5, 105; 9, 48), "цветы юности", т.е. "зрелость" (Пиф., 4, 158), "цветы Афродиты", т.е. "любовь" (Нем., 7, 53), "цветы благозакония", т.е. "справедливость" (Пепан, I, 10). Эпитеты немногочисленны: "благоуханный" (εὐδῶδης), "прелестный" (εὐτερπής) и "очаровательный" (τερπνόν). Изредка поэт употребляет также слово κνῆμον "цветок"; оно сопровождается эпитетами "из золота" (χρυσοῦ: Ол., 2, 72) и "лилейный" (λειρίων, о коралле: Нем., 7, 79). Среди цветов выделяются: фиалки (ἴα), отбрасывающие желтые и пурпурные лучи (Ол., 6, 55) и растущие милыми сердцу пучками (Фр., 75, 17); розы (ῥόδα), украшающие землю красным цветом (φαινίκεα; Истм., 4, 18) и вплетаемые в волосы (Фр., 75, 18); шафран (κρόκος; Диф., 4, 3) и виноградный цветок (οὐράνθηα); последний употреблен с переносным значением: о нежном (τέρην) юношеском пушке (Нем., 5, 6).

Слово καρλός дважды представлено конкретным значением "урожай" ("черные пашни не приносят урожай подряд": Нем., II, 39; "гибель урожая": Пепан, 9, 14). В остальных случаях оно употребляется переносно. Под "плодом маслины" (Нем., 10, 35) подразумевается оливковое масло, под "плодом Диониса" (Фр., 124, 3) — вино. В ряде случаев речь идет о зрелости ("плод Гебы": Ол., 6, 58; Пиф., 9, 110), о любви (Фр., 122, 8), о поэзии ("плод сердца": Ол., 7, 8), о справедливости ("плод ума": Пиф., 2, 74), о мудрости ("плод ума": Нем., 10, 12), о предсказании ("плод слов": Истм., 8, 46), о злонамеренности ("плод души": Фр., 211) и некомпетентности ("плод недостаточной мудрости": Фр., 209). Эпитетов несколько: "сладкий" (γλυκός), "безупречный" (ἀμώμητος), "зацветший" (ἀνεθήσας), "враждебный" (κακόφρων) и "незрелый" (ἀτελής). Не совсем ясен смысл слов "сорвав плод" (Фр. 6b. f. 3) из-за его фрагментарности. Отдельные виды плодов не отмечаются, за исключением "яблока" (μήλον) в одном из фрагментов: "сторож золотых яблок" (Фр., 282).

Таким образом, слова третьей подгруппы, главным образом ἄθος и καρπός, резко выделяются высокой степенью абстрактности. Она проявляется в преимущественном их употреблении с переносными значениями. Особое внимание привлекает слово καρπός. Характерно также, что здесь мы встречаемся дважды с применением Пиндаром отрицательных эпитетов к словам, относящимся к растительному миру.

II. Значительную часть слов (25) группы "Растительный мир" можно отнести к "гомеровской" традиции. Они чаще других применяются Пиндаром и использованы 86 раз, в то время как все 39 слов — 110 раз. В основном это общеупотребительные слова, представленные впоследствии во всех литературных жанрах: ἄθος 'цветы', δένδρον 'дерево', δρῦς 'дуб', ἐλαία 'маслина', ῥα 'рося', ποῖα 'трава', φύλλον 'лист', καρπός 'плод'. Это, далее, слова, использованные главным образом в поэтической лексике: δόναξ 'камыш', δάφνα 'лавр', κρόκος 'шафран', ἴον 'фиалка', ἐλάτα 'пихта', ὄραξ 'побег', πεύκα 'сосна'. Однако не удалось обнаружить ни одного слова, имеющегося только у Пиндара и Гомера. Встречаются впервые в гомеровских гимнах κισσός 'плющ' (н. Vassh., 40)² и ῥόδον 'роза' (н. Ser., 6). Употреблены впервые в ранней лирике: ἄνεμον 'цветок' у Сапфо (132, 1),³ κάλαμος 'тростник' — у Алкея (F, 1, 9), μυρσίνα и μύρτος 'мирт' — у Архилоха (25, 1) и Ивика (315, 1), λίβανος 'ладанное дерево' — у Сапфо (44, 30). Значения вышестоящих слов в основном сохраняются у Пиндара. Однако в их использовании наблюдаются новые значения: δόναξ 'камыш' употреблено и со значением 'пастушья дудка' (χαλκῶ... καὶ δονάκων: Пиф., 12, 25), σέλινον 'сельдерей' обозначает и 'венки' (θάλλου... σελίνοις: Нем., 4, 88). Во-вторых, имеются случаи переносного употребления отдельных слов: ἄμπλος 'виноградная лоза' обозначает и 'вино' (Нем., 9, 52), ποῖα 'трава' — и 'любовь' (Пиф., 9, 37), φύλλον 'лист' — и 'молва' (Истм., 4, 27).

Рассмотрим более подробно слова, не отмеченные в гомеровском языке и у лириков, и встречающиеся в п е р в ы е в поэтическом языке у Пиндара. К ним относятся: οἰνάθηα (Нем., 5, 6), Ἐλαίος (Фр., 46), στέλεχος (Нем., 10, 61), φελλός (Пиф., 2,

80), φύτευμα (Ол., 3, 18). οἰνάθηα — 'виноградный цветок', у Пиндара с переносным значением 'юношеский пушок'; представлено в трагедии у Софокла (Fr., 255, 4) и Еврипида (Ph., 231, 19.). в комедии — у Аристофана (Av., 588), позднее — у Теофраста (Нр., 5, 9, 6). Ἐλαίος 'дикая маслина' имеется в трагедии у Софокла (Tr., 1197). Στέλεχος 'пень' употребляется в комедии у Аристофана (Lys., 336, 19.), в философской прозе — у Аристотеля (Ath., 60, 2), в исторической — у Геродота (8, 55). φελλός 'кора' (пробковая), использовано в трагедии у Эсхила (Ch., 506) и в философской прозе — у Платона (Plt., 288e). φύτευμα 'растение', у Пиндара — 'дерево', представлено в трагедии у Эсхила (Fr., 99, 10) и Софокла (Oc, 698, 19.), в философской прозе — у Платона (Lg., 761b). Βατιά 'заросли' и φύτλα 'ствол' относятся к гапаксам. Итак, 7 из 39 слов группы "Растительный мир" встречаются впервые у Пиндара. Нововведения относятся к обозначению преимущественно деревьев и их частей: дерево, дикая оливка, пеня, ствол, кора. Следует признать, что собственный вклад Пиндара в обогащение рассматриваемой лексической группы весьма скромный. Можно указать и на то, что нововведения относительно редко встречаются у более поздних авторов. Сам поэт пользуется почти всеми ими лишь однажды. Из всех поэтических жанров греческой литературы наиболее близкими к Пиндару в лексическом плане оказались лирика и трагедия, в них представлено соответственно по 26 из 39 слов. Для сравнения можно указать, что в философской и исторической прозе их оказалось по 18. Наиболее употребительными являются в рассматриваемой группе следующие слова: καρπός (14 случаев),⁴ ἄθος (12), δένδρον (7), ἐλαία (6), т.е. наиболее общие термины растительного мира и наиболее распространенное дерево — маслина. В то же время половина всех слов встречается у Пиндара однажды. Некоторые относительно редкие слова удалось обнаружить в преимущественно прозаических надписях. Наибольшее число засвидетельствовано в Египте (главным образом — в папирусах) — 11 и в Аттике (в надписях) — 8; среди них в Египте такие, как φελλός, в Аттике — μυρσίνα, σχοῖνος, ἐλαία и др. Присутствие этих слов в эпиграфическом материале служит для нас предостережением перед соблазном причислять некоторые из них к сугубо поэтическому языку или считать Пиндара их создателем.

Итак, проведенный анализ пиндаровской лексики, связанной с растительным миром, позволяет сделать некоторые выводы. Наблюдается определенный практицизм в отношении поэта как к растениям, так и к деревьям. Они интересуют Пиндара в значительной степени как приложение к человеческой жизни, не являясь в то же время самостоятельным объектом его художественного внимания. Если слова "растение" и "дерево (вообще)" употребляются в основном с конкретными значениями, то слова, обозначающие их отдельные части, встречаются чаще с переносным смыслом. Особенно выделяются в этом отношении слова "цветок" и "плод", которые используются не только для выделения осязаемых, переносных значений, но и ряда отвлеченных типа зрелость, мудрость, справедливость и другие. Среди эпитетов предпочтение отдается тем, которые определяют внешний вид растения или дерева: "золотой", "красивый", "блестящий", "темный", "большой", "многочисленный". Часть эпитетов обозначает цвет ("желтый", "зеленый", "красный"), некоторые — другие отличительные признаки ("благоуханный", "нектарный", "преlestный", "очаровательный", "нежный", "сладостный", "цветущий"). Сложных эпитетов относительно меньше: $\lambda\acute{\alpha}\chi\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$ 'изобилующий плодами', $\epsilon\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\tau\alpha\lambda\omicron\varsigma$ 'многолиственный', $\varphi\acute{\epsilon}\iota\nu\beta\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$ 'бесплодный', $\kappa\alpha\kappa\acute{\omicron}\varphi\rho\nu$ 'враждебный', $\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\acute{\eta}\varsigma$ 'незрелый'. В редких случаях растения служат компонентом сравнения или развернутого поэтического образа (дуб).

В историческом плане рассмотренная лексическая группа "Растительный мир" находится в основном в русле гомеровской и послегомеровской поэтической традиции. Однако Пиндар вносит в нее свои коррективы, расширяя семантическое поле некоторых слов и употребляя ряд из них с переносным значением. Хотя число нововведений невелико, оно свидетельствует о новаторском духе поэта, ищущего пути обогащения унаследованной лексики в окружавшем его и постоянно изменяющемся мире. Близость пиндаровской лексики к греческой трагедии и особенно к ее хорошим партиям подтверждает, нам представляется, тезис о восхождении поэтического наследия хоровой лирики и гомеровского эпоса к общей архаической традиции догомеровского времени.⁵

Примечания

¹ Ссылки на Пиндара даются по изданию Мейллера: P i n d a r u s. Pars I. Epinicia. Leipzig, 1980; Pars II. Fragmenta. Indices. Post B. Snell edidit H. Maehler. Leipzig, 1975.

² Латинские сокращения даны по Лидделл — Скотту; см.: L i d d e l l H. G., S c o t t R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1966.

³ См. здесь и далее: P a t o u r o s G. Index verborum zur frühgriechischen Lyrik. Heidelberg, 1966.

⁴ См.: L e x i c o n to Pindar / Ed. by W. S. Slater. Berlin, 1969.

⁵ Ср.: Г р и н б а у м Н. С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984, с. 57.

Н. А. Демина

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА ΧΙΜΑΡΟΣ У АРИСТОФАНА

В комедии "Всадники" в ст. 660—662 Аристофан использовал неаттическое слово χίμαρος, которое употребляется как в мужском, так и в женском роде, т. е. обозначает соответственно козла и козу: $\tau\eta\delta' \text{ } \acute{\alpha}\gamma\rho\tau\epsilon\rho\alpha\ \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \chi\iota\lambda\iota\omega\nu\ \lambda\alpha\rho\eta\nu\epsilon\sigma\alpha\ \epsilon\upsilon\chi\eta\nu\ \kappa\omicron\iota\eta\tau\alpha\sigma\alpha\ \chi\iota\mu\acute{\alpha}\rho\omega\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\upsilon\rho\iota\omega\nu,\ \acute{\alpha}\iota\ \tau\rho\iota\chi\iota\beta\epsilon\varsigma\ \epsilon\iota\ \gamma\epsilon\nu\omicron\iota\alpha\upsilon\ \acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\nu\ \tau\omicron\upsilon\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon.$ 'Я посоветовал дать обет Агротере насчет тысячи коз на завтра, если трихиды будут продаваться по сотне за обол'.¹

Эти слова в комедии произносит Колбасник, пришедший с Совета пятисот и рассказывающий о словесном поединке с Кожевником, где каждый, чтобы получить поддержку Совета, вносил свои демагогические предложения. Одним из таких предложений Агоракрита и было — принести в жертву Агротере тысячу коз, если трихиды, составляющие важную часть ежедневного питания бедняков, изголодавшихся за время войны, будут продаваться по сотне за обол.

Постараемся выяснить, случайно или же вполне сознательно выбор Аристофана пал именно на это довольно редкое слово.

Согласно индексу Тодда, ст. 657—662 являются единственным местом в комедиях Аристофана, где используется χίμαρος, в других случаях, когда речь идет о животном определенного пола —